

Вэй-вану Цзи Юю шел пятый десяток — самый расцвет сил для мужчины, однако судьбу его завидной назвать не повернулся бы язык.

Едва взойдя на престол, он обнаружил себя в тени господина Мэнчана, чья добродетель и щедрость гремели на всю Поднебесную. Мэнчан-цзюнь приходился молодому правителю родным дядей, но превосходил его и в славе, и в плетении интриг настолько, что вгонял племянника в дрожь одним своим присутствием. Опасаясь за власть, Цзи Юй пошел на крайние меры: возвысил единокровного брата, молодого господина Уцзи, пожаловав ему титул господина Синьлина. Действуя заодно, братья дождались первой же военной неудачи назначенного Мэнчаном полководца и обвинили того в трусости. Этот удар лишил влиятельного дядю всякой возможности защищаться.

Казалось бы, теперь правитель Вэй мог спать спокойно, уверенный в преданности подданных. Но увы, он оказался слишком наивен. Господин Синьлин прибрал к рукам оставшихся без покровителя приживальщиков Мэнчана и принялся безудержно плодить собственных нахлебников. Он то и дело вымаливал у брата награды, привечая в своей усадьбе всех подряд — вплоть до бездельников и проходимцев. И покой Цзи Юя снова рассеялся как дым. Что еще хуже, братья вскоре поняли, насколько они разные, и бывшая дружба дала трещину. Цзи Юй продолжал осыпать Синьлина дарами ради соблюдения приличий, но втайне уже видел в нем главного соперника, жаждущего прибрать к рукам трон. Обида и подозрительность крепили с каждым днем, неуклонно ведя к разрыву.

При росте около семи чи Цзи Юй отличался довольно тонкими, приятными чертами лица. Однако годы тревог и недовольства наложили на его облик неизгладимый отпечаток: в прищуре сквозила трусливая жестокость. Сейчас, восседая на троне в колеблющемся свете масляных ламп, он выглядел особенно мрачно.

Встав, правитель неспешно подошел к коленопреклоненному господину Лунъяну и негромко, ласково спросил:

— Цзяо-эр, так ты утверждаешь, что ранил наследного принца Цинь стрелой, после чего тот канул в реку? И теперь его не могут найти ни живым, ни мертвым?

Господин Лунъян, склонив голову, замер перед ним на коленях. С трудом подняв взор, он кивнул:

— Да. Прошу, накажите меня, ван. Моя смерть не искупит вины, но, быть может, смягчит ваш гнев.

Цзи Юй с улыбкой бережно поднял его с колен. Он протянул руку к прекрасному, словно у небожителя, лицу юноши и ласково погладил его по щеке.

Ресницы Цзяо затрепетали, во взгляде отразилась глубокая нежность. Он приоткрыл губы, подставляя их под ласкающие пальцы правителя, дыхание его участилось.

В следующее мгновение лицо Цзи Юя исказилось яростью. Хлестким ударом наотмашь он свалил господина Лунъяна на пол и с силой пнул его в живот.

— Убить тебя?! — взревел правитель. — Да кто ты такой, по-твоему?! Решил, раз я наделил тебя титулом и властью, то ты стал кем-то важным? Забыл, кем был до этого — безродным бродячим юэся, болтавшимся по дорогам с мечом? Стоило приласкать тебя, как ты возомнил бог весть что! Да будь у тебя хоть сто жизней, они не стоят одной волосинки с головы наследного принца Цинь! Вэю не по силам тягаться с Цинь!

Ван метался по залу, яростно размахивая широкими рукавами, едва не тыча пальцами в лицо фавориту. Не утолив злость, он еще несколько раз жестоко пнул юношу в ребра. Тот лишь тихо охнул, когда изо рта у него брызнула кровь. Зажав ладонью сломанные ребра, Цзяо молча терпел мучительную боль.

Генерал Синьюань Янь, стоявший чуть поодаль на коленях, замер и не смел шелохнуться. Причастность к ранению и исчезновению циньского принца грозила обернуться для него плахой, и больше всего он боялся, что гнев правителя падет на его голову. Холодный пот катился по его лицу.

«Кажется, живым мне сегодня отсюда не выйти», — в ужасе подумал генерал.

В этот момент у распахнутых дверей тронного зала бесшумно возник евнух.

— Ван, — тонким, надтреснутым голосом доложил он, — получено послание от генерала Цзинь Би.

— Неси сюда, — раздраженно бросил Цзи Юй, возвращаясь на трон.

Евнух поспешно поднес бамбуковый свиток и склонился у ног правителя, ожидая повелений.

Цзи Юй развернул донесение и быстро пробежал глазами по строкам, присланным из далекого лагеря.

Вдруг его дыхание перехватило. Прищурившись, он посмотрел на господина Лунъяна — даже искаженное болью, мертвенно-бледное лицо юноши хранило редкую, пленительную красоту. Швырнув свиток обратно слуге, Цзи Юй стремительно спустился с помоста.

Он грубо схватил фаворита за подбородок, заставив поднять голову. Его взгляд медленно скользнул по изящным чертам и остановился на глазах юноши, в которых все еще теплилась преданная, глубокая любовь.

Внезапно гнев правителя улетучился. На его губах заиграла мягкая улыбка. Он бережно приподнял господина Лунъяна с пола и с притворной нежностью запричитал:

— Ох, как же я мог поднять руку на такое сокровище? Скорее позовите лекарей для Цзяо-эр!

На бледных щеках господина Лунъяна выступил слабый румянец облегчения. С трудом протянув руку, он накрыл ладонь правителя и тихо прошептал:

— Мой ван... Со мной все хорошо.

Улыбка Цзи Юя стала шире. словно не замечая, что юноша судорожно прижимает руку к сломанным ребрам, он с силой похлопал его по спине.

— Наследный принц Цинь как-то обмолвился, что ты на редкость хорош собой, — вкрадчиво произнес правитель. — Пожалуй, завтра же я отправлю тебя в лагерь к Цзинь Би. Генерал случайно спас человека, который называет себя принцем Цзычу. Без сомнения, это выживший наследник Цинь. Отправляйся туда и ублажи его как следует. Покажи все то бесстыдство и страсть, которыми баловал меня в постели. Ссориться с Цинь нам сейчас никак нельзя.

Остатки краски мигом сошли с лица господина Лунъяна. Будто безжизненная кукла, он позволил увести себя во внутренние покои, где безучастно лежал на ложе, пока лекари обрабатывали его раны. В его потухшем взгляде отразилась невыносимая мука преданного сердца.

С трудом подняв затекшую руку, он прижал ладонь к груди, в которой глухо и обреченно колотилось сердце. Стиснув зубы, чтобы не закричать во весь голос, он беззвучно разрыдался, и слезы хлынули по его лицу.

Цзяо с юных лет славился непревзойденным мастерством: в искусстве владения мечом ему не было равных, и даже десяток умелых воинов не могли одолеть его в честном бою. Молодым он странствовал по свету, упиваясь свободой и не зная забот. Но сколько бы ни вился веревочке конец, а беда найдет каждого. Тот, кто живет сталью, рано или поздно оступится. Однажды враги заманили его в ловушку, и даже превосходное мастерство не спасло от тяжелых ран — у него едва хватило сил скрыться.

Он лежал в полуразрушенном заброшенном храме, дрожа от лихорадки. Глубокие порезы забились грязью и пылью, жизнь медленно покидала его истерзанное тело. Цзяо уже приготовился к смерти, когда по воле злого рока мимо проезжал возвращавшийся с охоты правитель Вэй. Пораженный красотой умирающего юноши, Цзи Юй велел забрать его во дворец, где окружил заботой и теплом.

Цзяо, никогда прежде не знавший любви, легко поддался искушению и незаметно для самого себя сделался любимым наложником правителя. Выросший на дорогах, он мало заботился о приличиях и не видел ничего постыдного в своей доле. Лишь изредка он ревновал покровителя к новым фавориткам, но за три или четыре года, проведенных во дворце, привязался к Цзи Юю всем сердцем.

И вот теперь, внезапно осознав, что тот, кого он искренне любил, всегда видел в нем лишь дорогую игрушку, господин Лунъян почувствовал, как мир вокруг него рушится, а израненная душа раскалывается на куски.

— Что же, пусть так, — прошептал он сквозь рыдания. — Ты подарил мне годы сытой роскоши. И если это брненное тело послужит платой за твою милость, пускай циньский принц забирает его!

Слова звучали твердо и решительно, но слезы продолжали катиться по его лицу, и в этот миг он выглядел безутешным, обиженным ребенком.

Тем временем Цинь Цзычу вместе с маленьким Ин Чжэном беззаботно жили в лагере генерала Цзинь Би. Он и не подозревал, что его тайна раскрыта. С утра до вечера они с сыном бродили по окрестным холмам, встречая рассветы, и ловили рыбу в запрудах. Цзычу так увлекся этой мирной жизнью, что почти позабыл, что находится в чужих землях на положении пленника.

Однажды молодой офицер, который прежде помогал ему приглядывать за мальчиком, подошел к шатру Цзычу. Покраснев до ушей, он долго поправлял и разглаживал доспехи, прежде чем решился откашляться и с напускной важностью произнести:

— Принц Цзычу, генерал Цзинь Би просит вас пожаловать в главный шатер для важного разговора.

Цзычу негромко рассмеялся и, подхватив Ин Чжэна на руки, мягко ответил:

— Что ж, веди.

— Хе-хе, вовсе не трудно, — глуповато улыбнулся юноша и, пятясь спиной из шатра, запнулся о натянутую растяжку. Он едва не растянулся на земле, нелепо взмахнув руками.

Цзычу, глядя на его неуклюжесть, ласково сощурился и рассмеялся. Его теплый, сияющий взгляд заставил несчастного офицера покраснеть до кончиков ушей.

В военном лагере, разумеется, не было женщин.

Цзинь Би слыл строгим и умелым полководцем, державшим войска в узде. Молодые, полные сил мужчины проводили дни в изнурительных тренировках, однако ночами их мысли неизбежно возвращались к девичьим ласкам. Но суровая реальность не знала жалости: женщин вокруг не наблюдалось.

Принц Цзычу оставался здесь лишь гостем высокого происхождения, далеким от тягот армейской службы. Солдаты не только не попрекали его изнеженностью и белоручеством, но, напротив, радовались любой возможности услужить благородному господину.

Когда в походе месяцами не видишь женщин, поневоле заглядишься на красивого мужчину. А потом, ворочаясь на жесткой подстилке, закроешь глаза и представишь на его месте переодетую девицу.

Заметив, как провожатый то и дело обращивается на принца, караульные у шатра проводили их полными жгучей зависти взглядами.

Самого Цзычу такое внимание нисколько не задевало и не удивляло. Он прекрасно понимал, что никто из этих парней не питает к нему настоящей мужской страсти. Их заигрывания были лишь тоской по изяществу и красоте, которых так не хватало среди грубого солдатского быта. Вернувшись домой, каждый из них обзаведется женой и детьми.

Как ни хотелось молодому офицеру продлить прогулку, он хорошо знал свое дело. Цзычу вели по широкой центральной дороге, подальше от закрытых зон, где хранились военные секреты царства Вэй. Но даже при самом неспешном шаге несколько сотен чжанов пути быстро подошли к концу.

У входа в шатер генерала краска сошла с лица провожатого, сменившись выражением служебного рвения. Он четко обменялся жетонами со стражей и, дождавшись позволения войти, резко откинул тяжелый полог.

— Принц Цзычу, прошу вас, — почтительно произнес офицер.

Навстречу хлынула волна спертого, душного воздуха, пропитанного запахом пота и немытых тел. Цзычу невольно затаил дыхание и ладонью прикрыл нос и рот маленького Ин Чжэна. Лишь когда легкие привыкли к этому тяжелому духу, он приветливо улыбнулся и шагнул внутрь.

Убранство шатра Цзинь Би отличалось суровой простотой и было разделено на три части. В одном углу лежала скромная постель, в другом стоял низкий столик для документов, рядом с которым высился деревянный подрамник, занавешенный плотной темной тканью — Цзычу мысленно рассудил, что там скрывается карта военных дорог Вэй. Третья часть шатра была отгорожена резной ширмой, скрывавшей то, что происходило за ней.

— Рад видеть вас в добром здравии, генерал, — мягко поклонился Цзычу.

Цзинь Би поднялся навстречу, отвечая на приветствие:

— Дела службы не терпят отлагательств, посему прошу простить старика за редкие визиты.

Хорошо ли устроился принц Цзычу в нашем лагере?

Улыбка Цзычу стала еще приветливее, и он поспешил искренне похвалить приставленных к нему воинов:

— Ваши люди на редкость заботливы. Стоило мне обмолвиться, что я не прочь взглянуть на восходящее солнце, как эти славные юноши подняли меня на носилках и доставили на вершину горы еще до первых рассветных лучей.

Морщины на лице генерала разгладились, и он кивнул:

— Рад это слышать. Я пригласил вас сегодня, чтобы вручить два подарка.

— Вот как? И что же это? — полюбопытствовал Цзычу, выказав живой интерес.

Цзинь Би подал знак рукой. Полог приоткрылся, и караульные ввели в шатер изнуренного долгой дорогой Чжан Ли.

Глаза Цзычу радостно сверкнули. Шагнув навстречу верному соратнику, он воскликнул:

— Чжан Ли! Как я рад, что вы целы и невредимы!

Не дав Чжан Ли возможности ответить, Цзинь Би негромко продолжил:

— А второй дар прислан моим повелителем лично для вас, принц. Наш ван надеется, что это скромное подношение укрепит союз между Вэй и Великим Цинь.

Но едва Цзычу бросил взгляд на то, что находилось за ширмой, как лицо его мгновенно побелело.

<http://bllate.org/book/18277/1750304>